

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Монс Каллентофт

Дикая весна

Москва
2016

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
К17

Mons Kallentoft

VÅRLIK

© 2010 Mons Kallentoft. First published
by Natur & Kultur, Sweden.

Published by arrangement with Nordin Agency AB and Banke, Goumen
& Smirnova Literary Agency, Sweden

Оформление серии *A.Саукова*

Иллюстрации на суперобложке, переплете и форзацах
B. Коробейникова

Каллентофт, Монс.

К17 Дикая весна / Монс Каллентофт ; [пер. со швед. Ю. Колесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-89613-4

Полиция Линчёпинга, в которой служит детектив Малин Форс, бросила все свои силы на раскрытие резонансного преступления, взбудоражившего всю Швецию. На центральной площади города прогремел мощный взрыв, в результате которого погибли две маленькие девочки-сестры. Версия теракта не подтвердилась, подозрения о маньяке — тоже. Тогда в голову детектива пришла на первый взгляд абсурдная мысль: а что, если взрыв был направлен именно против сестер? Что, если они кому-то очень сильно мешали?..

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Колесова Ю.В., перевод на русский
язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-17-89613-4

Этот роман — чистейшей воды вымысел и ничего иного. Всякое сходство с реальными людьми или событиями является случайностью. Я также позволил себе некоторые географические вольности.

Пролог

МАЙ 2010 ГОДА (В ПРОСТРАНСТВЕ ТЬМЫ)

Где ты, папа?

Ты должен быть рядом со мной.

Куда ты пропал? Папа, папочка, приходи скорее!

Братишка плачет.

Он совсем маленький. Лежит на полу и плачет, он описался. Здесь пауки — а вдруг и змеи приползут? Ящерицы, вараны с желтыми зубами — это они скребутся? Ты будешь виноват, если мы умрем, папа!

Он говорит: «Плохие, плохие!»

Как дома у бассейна, папа. Он боялся прыгнуть в воду, даже с надувными рукавами. А я не боюсь. Я смелая. Я смелее его, потому что мне шесть лет, а ему три, хотя скоро будет четыре.

Я вся вспотела, мне жарко. Но только иногда. Я сняла свитер. Можно мне было снять свитер? Опять звуки, и я слышу, как дядьки снова пришли. Свет под дверью исчезает, что-то тикает, и становится темно, и пусть братишка замолчит, иначе они побьют нас. Я боюсь, и я кричу: «Не бейте меня! Не бейте!»

И тогда свет под дверью появляется снова, и дядьки уходят, но скоро они вернутся — они нас тогда убьют? Они убьют нас, папа?

Нас заперли, и я хочу, чтобы нас отпустили. Они приносят

нам еду, у нас есть горшок, и нам дали мелки — мы рисуем фигуры на полу и на стенах. Мы их не видим, но все равно рисуем.

Мне страшно. Братишко боится еще больше.

Что это тикает? Где эти мерзкие ящерицы? Они блестят в темноте.

Как ужасно все время бояться... Я обнимаю братишку, он теплый, он плачет, и это как страшный сон, о котором я никому не хотела рассказывать. Поэтому все это происходит теперь, папа, что я никому не рассказывала?

Если быть добрым, то к тебе все будут добрыми.

Как ты, папа. Ведь ты добрый, правда? Ты вправду добрый, и я выпускаю его из рук, стучу в запертую дверь, кричу: «Не приходите! Я не хочу умереть! Мы не хотим умирать!»

Скорее, папа, приходи!

ШЕСТЬЮ ГОДАМИ РАНЬШЕ

Мое тело стонет от желания испытать безусловную любовь, ощутить кипение в жилах — только этого оно и желает.

Это самое главное из всех чувств — моя единственная потребность, единственное, чего хочу я.

Вас отобрали у меня.

Я сама так захотела, о вас никто не знает. Я отдаю вас другим людям, которые, я надеюсь, будут добры к вам.

Не предполагалось, что вы вообще появитесь на свет, а вас к тому же оказалось двое, и я вижу себя в палате, вижу, как бледный мертвый весенний свет стокгольмского неба пронизывает унылое помещение, падает рентгеновскими лучами на линолеумный пол, пытаясь прогнать меня прочь...

Я оставил вас. Навсегда. Я отдаю вас, и у вас не останется обо мне никаких воспоминаний, а кто ваш отец — это и вовсе не имеет значения. Может быть, меня изнасиловали, когда я валялась в беспамятстве в одном из притонов или в жестком голубом свете туалетов на Центральном вокзале, или кто-то воспользовался мною в одном из тайных помещений

пустых переходов метро, когда я заснула крепким сном химического счастья.

Но однажды оказалось, что вы есть во мне. А теперь вы лежите в соседней комнате, скоро вы увидите свою новую мать и нового отца, и я хочу кричать, но это должно произойти, я хочу прочь отсюда, любовь не для меня, и вы останетесь моей огромной, всепоглощающей тайной.

Вашим отцом мог быть кто угодно.

Так что никогда не задавайтесь этим вопросом.

Вот открывается дверь в мою палату, я вижу вас, и вы — самое прекрасное на этой планете! Не забывайте этого! Вы плачете — может быть, свет слишком резкий? Вы лежите у меня на руках, мне удается вас убаюкать.

«Не спеши, — говорит акушерка, — твое время у тебя никто не отнимет!»

И она забирает вас, а я цепляюсь за край кровати и рыдаю, но так будет лучше, так будет лучше. Вас унесли от меня, но знайте, что мама любит вас.

В коридорах университетской больницы повис запах смерти и бактерий, с которыми не справятся никакие антибиотики, и я вылезаю из постели, натягиваю свою одежду, висящую в шкафу, пробираюсь по коридору в лифт, стараясь никому не попадаться на глаза, потому что они наверняка попытаются остановить меня. Однако никто не замечает меня — я знаю, как сделаться невидимой.

Я не чувствую ни стыда, ни вины.

Или чувствую? Бесполезно прислушиваться к своим чувствам.

Я так тоскую без вас. И я не могу, не хочу сдерживаться.

Вскоре я сижу в такси, которое высаживает меня у площади Сергеля, и я, спрятав в ладони свернутую тысячную, здороваюсь с темнокожим мужчиной, которого знаю. И легко нахожу дорогу в самые отдаленные закутки станции метро, где собрат по несчастью одолжит мне шприц и зажигалку. Укол — и мир снова становится таким, каким он должен быть, раскрывает мне объятия, избавляет от тяжелых чувств.

Час спустя я стою на Сенной площади в душном вечернем свете. Повсюду камеры видеонаблюдения. Они видят меня.

Я же вижу двух девочек, лет семи, бегущих по черно-белым плитам площади к окнам Дома культуры, — вижу, как они отражаются в окнах, но не могу различить их лиц. Я обворачиваюсь. Люди стоят группами, некоторые кивают в мою сторону, словно говоря: «Так ты вернулась...»

Я киваю в ответ.

Снова обворачиваюсь.

Девочки исчезли.

Растворились в своем отражении.

Часть I
ЖАДНАЯ ЛЮБОВЬ

Глава 1

ЛИНЧЁПИНГ, 7 МАЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

«Кажется, в небе можно увидеть свое отражение, как в зеркале, — такое оно сегодня оглушительно-надрывно-голубое. Оно такого же цвета, как огонь у самого жала сварочного аппарата», — думает мама, шагая по плитам Большой площади, где булыжники тесно прижались друг к другу, спаянныетысячами человеческих шагов; шагами людей, которые проносились здесь туда и обратно, в погоне за тем, чего они хотели получить от жизни.

Солнце стоит низко, его лучи пронизывают атмосферу, как блестящие острые копья, прежде чем обжечь лица людей, сидящих под огромными зонтами, натянутыми над летними верандами кафе «Мёрнерс инн» и Центрального отеля. Обманчивое тепло, в глубине которого еще таится зимняя стужа.

Мама смотрит в сторону здания, где расположено бюро по продаже недвижимости, — в окнах угадываются отчаянные объявления. Она отмечает, что возле банкомата пусто, и поднимает глаза к часам под кровлей — тяжелые стрелки, кажется, прибиты гвоздями в определенном положении, однако они могут двигаться, она знает это наверняка.

Четверть одиннадцатого.

Пустые витрины по обеим сторонам площади. Магазины и кафе, которым пришлось закрыться в связи с экономическим кризисом. Объявления о распродажах еще остались, умоляют прислушаться к ним среди пыльцы, танцующей в лучах света.

«Удивительно, как мало людей на улице», — думает она. Никакого блошиного рынка, никаких крестьян, пытающихся продать экологически чистые овощи, выращенные в теплицах; никаких эмигрантов, торгующих фруктами без кассы, никаких барахольщиков, продающих за немыслимые цены всякую мелочь, которой давно место на помойке.

Но старичок, торгующий горячими сосисками с маленько-го переносного прилавка, на своем месте. Он сидит на корточках под своим оранжево-желто-красным зонтиком в ожидании проголодавшихся гуляющих, мечтающих недорого перекусить.

Десять крон за горячую сосиску. И продавец цветов тоже тут со своими розовыми, желтыми, красными и оранжевыми тюльпанами.

Дети — девочки-близнецы, которым уже шесть, — бегут впереди нее, подбегают к банку «SEB», останавливаются у банкомата, где она обычно снимает деньги, прежде чем отправиться по другим делам. На девочках одинаковые розовые куртки, одинаковые джинсы, белые кроссовки с четырьмя красными полосами на боку.

Их двое, однако они дышат, движутся, говорят как один человек. Они во всем похожи. Незнакомые люди обычно не различают их, однако умиляются той радости, энергии и красоте, которую излучают девочки, словно все их существование — хвалебная песнь этому миру и тому, что они существуют в нем.

Светлые волосы взъерошены ветром, фигурки движутся в такт, но немного порывисто и непредсказуемо — свидетельство того, что так много еще всего интересного в самих себе и в огромном мире, который в данный момент, на этой площади, в их маленьком провинциальном городишке принадлежит им целиком.

Мама вдыхает весенний воздух.

Она ощущает запах распустившихся тюльпанов, отчаянный запах, словно цветы хотят шепнуть ей: «Почему наша жизнь так коротка, когда твоя, ваша такая долгая?»

«Вы принимаете все как данность, — думает мама, глядя на своих дочерей. — Я же ничего не принимаю как данность — знаю, что все можно потерять...»

Мужчина в черной куртке с поднятым капюшоном ставит свой велосипед рядом с банкоматом. Не запирая велосипед на замок, он рукой в перчатке осторожно поправляет рюкзак на багажнике.

Мужчина оставляет рюкзак, но не снимает деньги в банкомате, а идет через площадь в сторону улицы Букхолларегатан.

Мама не думает о том, кто этот человек. Почему на нем капюшон, несмотря на весеннее солнце, почему он оставляет велосипед и рюкзак.

Девочки уже подбежали к банкомату. Они оборачиваются к ней и улыбаются, и ей хочется подбежать к ним, схватить их на руки, обнять, поцеловать — показать им, как она их любит, чтобы эта любовь дала им чувство защищенности, уверенности и свободы.

Но тут им на глаза попадается прилавок с сосисками. Привычка и голод заставляют их пробежать мимо матери и прямо к стяжке, скучающему под зонтом от солнца за прилавком, разукрашенным изображениями сосисок.

Они скачут перед мужчиной в капюшоне, и он тоже спешит туда.

«Есть ли у меня наличность?»

Конечно же, в кошельке лежат две монетки по десять крон. Она роется в сумочке в поисках кошелька, а мужчина с черной бородой уже дал девочкам по сосиске в булочке. Когда она подходит, он кивает ей, как старой знакомой.

— Сок. Они любят грушевый, не так ли?

Грушевый. Или яблочный.

Мужчина говорит с резким акцентом. Она роется на дне сумочки — и они лежат там, как она и помнит, две десяти-кроновые монетки, холодные на ощупь. Она протягивает их мужчине, который кивает, благодарит и приглашает их заходить еще.

Девочки бегут к белым тумбам, похожим на куски сахара, стоящим перед Центральным отелем, возле натянутого, как парус, куска брезента, отделяющего летнюю веранду кафе.

Девочки отбрасывают длинные тени, и мама бежит за ними, крича, чтобы они были осторожны и не закапали свои